

Красные нити не спасли от сглаза

Знаменитый художник два года ждет гонорар

На открытии здания «Новой Оперы» в саду «Эрмитаж» впервые поднялся парчовый занавес. Автор занавеса — народный художник России, главный художник БДТ им. Г.А. Товстоногова, академик Эдуард КОЧЕРГИН — целый год посвятил этой работе. Теперь он считает, что трудности производства были ничто по сравнению с перипетиями последних двух лет.

— ОПЕРНЫЕ театры — дорогое удовольствие, вообще-то непосильное для городских властей. Обычно их держали и держат либо король, либо царь, либо государство. Только в Москве купцы Зимин и Мамонтов держали частные оперы. И вот, когда мэр Лужков, продолжая традиции меценатства, начал строить театр, который принадлежал бы только Москве и которым руководит наш знаменитый соотечественник, бывший петербуржец Евгений Колобов, — мне предложили придумать концепцию занавеса для него и выполнить всю работу от начала до конца. Такие заказы считаются монументальным жанром и оплачиваются соответственно.

С Кочергиным, естественно, на эту долгую и трудоемкую работу был подписан договор, где был указан гонорар и сроки его выплаты. Сам художник, приступая к работе, тем не менее понимал, что такой занавес — это профессиональный риск. Но все-таки профессиональный, а не финансово-юридический. До сих

пор он ни копейки не получил. На все вопросы к театру и лично к художнику Е.В. Колобову отвечали: нет денег, мэрия не дала. Однако мэрия несколько раз переводила деньги, чтобы рассчитаться со всеми строительными работами. Но про занавес в театре каждый раз забывали. Висит — и висит. Однажды главный хормейстер Н. Попович даже бросил Кочергина такую фразу: мол, «он должен гордиться, что дали возможность сделать вещь, которая его будет прославлять. За сорок лет работы с десятками театров (около четырехсот спектаклей!) известнейший художник ни разу не сталкивался с такой точкой зрения на его труд: взять работу и сказать «будь доволен». Конечно, у Кочергина есть все основания подать в суд, но вот уже два года он ждет, когда же театр вспомнит, сколько сил и времени ушло на этот уникальный занавес.

— В 1959 году, когда я был еще студентом, на практике впервые увидел, как делался занавес. Тогда еще были живы старики, знавшие секреты. Сегодня они утеряны. Так что три года назад, начав работу для «Новой Оперы», пришлось объединить усилия Москвы и Питера. За основу концепции занавеса, поскольку это придумывалось для Москвы, было взято московское шитье — одежды великих князей, православных священников, парчовые сарафаны. Но наше время — смутное, поэтому занавес составляли из кусочков, будто единое царское одеяние России было разодрано, а теперь снова шивает-

ся, но все равно напоминает рубище юродивого.

Русская парча отличается от западноевропейской, иранской, сирийской, китайской своей основой. Китайцы делают ее на шелке, европейцы используют шелк и льнопок, а у нас парчу делали на льняной основе. Потому она была очень крепкой. Сейчас ткут парчу для церковных нужд, но она не льняная и потому имеет кичевый, дешевый вид. Я узнал, что в Костроме простаивала фабрика с замечательным оборудованием — знаменитые жаккардовые станки. Я им сказал: «Вы можете делать русскую парчу, только нужно поставить шелк и металлические нитки». Сделали образцы, разработали рисунок. Можно сказать, что через 70 лет мы возродили изготовление парчи в России.

В цеху Петербургской консерватории трудилась большая бригада, больше двадцати человек. Зеркало сцены нового театра — 14 метров, его надо умножить на складки, получается 43 метра! В Петербург мы пригласили знаменитую аппликаторшу Большого театра (из семьи потомственных мастеров) Пелагею Ивановну, и она консультировала наших швей. Занавес — это аппликационные работы на полу, тяжелый «китайский труд». Шили его вручную, красными нитками, как и полагается. Считалось, что это охраняет от нечистой силы. Но лично меня они не уберегли от неприятнейшей истории.

Марина ДМИТРЕВСКАЯ

Общая газета, — 1999,
— 25 нояб. — 1 экз. — с.10